

Наш
XX
век

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ

ЧАЗОВ

ЗДОРОВЬЕ И ВЛАСТЬ
ВОСПОМИНАНИЯ КРЕМЛЕВСКОГО ВРАЧА

Наш XX век

Евгений Чазов

**Здоровье и власть. Воспоминания
кремлевского врача**

«Центрполиграф»

2016

УДК 61:94 (47+57)
ББК 51.1(2)+63.3(2)633

Чазов Е. И.

Здоровье и власть. Воспоминания кремлевского врача /
Е. И. Чазов — «Центрполиграф», 2016 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-05794-5

Факты, изложенные в этой книге, – еще одно предупреждение потомкам, нашим детям и внукам. Они – предупреждение будущим политикам. Автор попытался проследить ту цепь роковых событий, которые привели к гибели великой державы – СССР и кризису России. Она началась с затянувшегося правления Л. И. Брежнева, смерти Ю. В. Андропова и продолжилась ошибками М. С. Горбачева, его борьбой за власть с Б. Н. Ельциным, объявлением суверенитета России, подписанием Беловежских соглашений, реформами 1992 года, расстрелом Белого дома, первой чеченской войной и закончилась повторным избранием больного Б. Н. Ельцина на второй срок со всеми вытекающими последствиями.

УДК 61:94 (47+57)
ББК 51.1(2)+63.3(2)633

ISBN 978-5-227-05794-5

© Чазов Е. И., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Книга первая	7
Первые шаги	7
Долг превыше всего	16
За кулисами	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Евгений Чазов

Здоровье и власть. Воспоминания кремлевского врача

© Е. И. Чазов, 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Е. И. Чазов родился 10 июня 1929 года в Горьком. В 1953 году он уехал в Москву и поступил ординатором на кафедру госпитальной терапии 1-го Медицинского института. Спустя три года молодой врач защитил кандидатскую диссертацию и был направлен на работу в Кремлевскую больницу. В 1958 году Е. И. Чазова пригласили работать в Институт терапии сначала старшим научным сотрудником, заведующим отделом реанимации, а позже – замом директора.

В 1959 году Е. И. Чазовым был организован один из первых в международной практике блок интенсивного наблюдения для инфарктных больных и специальная служба догоспитальной врачебной скорой помощи.

Широкую известность получили его работы по тромболитической терапии. В 1963 году Евгений Иванович защитил докторскую диссертацию, а еще через два года стал профессором.

После смерти директора Института терапии А. Л. Мясникова Е. И. Чазов в течение года исполнял обязанности директора, а затем единогласно был утвержден в этой должности и рекомендован в члены-корреспонденты Академии медицинских наук.

Несмотря на его возражения, Е. И. Чазова назначили на должность начальника 4-го Главного управления Минздрава. Это назначение оказалось длинной в долгих двадцать с лишним лет... От работы Е. И. Чазова в 4-м Главном управлении зависели здоровье и жизнь не только высших руководителей партии и государства Советского Союза, но и многих руководителей из Алжира, Анголы, Афганистана, Бангладеш, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Египта, Северной Кореи, Йемена, Лаоса, Монголии, Польши, Сирии, Центрально-Африканской Республики, Эфиопии, не говоря уже о сотнях выдающихся политических и общественных деятелей, ученых, писателей, деятелей искусств, таких как М. Келдыш, А. Туполев, М. Янгель, Д. Шостакович, Д. Ойстрах, М. Шолохов, К. Симонов, С. Лемешев и многие другие. Как начальник 4-го Главного управления Е. И. Чазов руководил лечением генеральных секретарей ЦК КПСС Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко.

В 1987 году Е. И. Чазов решением политбюро был назначен министром здравоохранения СССР. Под его руководством в министерстве началась активная проработка вопросов страховой медицины, новых форм хозяйствования и управления в системе здравоохранения. Были определены приоритеты здравоохранения: борьба с детской смертностью, инфекционными заболеваниями, включая туберкулез и СПИД, а также с сердечно-сосудистыми и онкологическими.

Освободившись от груза министерского портфеля, в марте 1990 года Е. И. Чазов вернулся к руководству Кардиологическим научным центром. В полной мере ему пришлось столкнуться со многими проблемами, характерными для постсоветского периода.

Евгений Иванович – создатель общепризнанной школы кардиологии, автор более 450 научных трудов, в том числе 14 монографий. Наряду с научно-исследовательской работой Е. И. Чазов ведет большую научно-организационную работу.

Созданное Е. И. Чазовым и Б. Лауном международное движение «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» в 1985 году было удостоено Нобелевской премии мира, а Евгений Иванович прочитал Нобелевскую лекцию.

Е. И. Чазов – Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, академик Российской академии наук и Российской академии медицинских наук.

«Кто вы?» – нередко спрашивали меня западные журналисты. Кем только меня не представляли. В журнале «Ридерс Дайджест» утверждалось, например, что я являюсь одним из высших чинов КГБ. В 1984 году, во время моего пребывания в США, люди из Голливуда предлагали снять фильм, где я должен был выступать в качестве близкого Брежневу человека, который, вопреки его воле, стал одним из самых выдающихся борцов за мир. Кто я? Врач, ученый, работы которого известны всему миру, общественный деятель, оказавшийся в гуще политических событий, брошенный в этот омут судьбой или божьей волей. Вращаясь двадцать три года в гуще политических страстей, зная о необычных и непредсказуемых судьбах видных политических деятелей, мне иногда хотелось узнать, почему же тогда, в конце 1966 года выбор Л. И. Брежнева пал на меня, причем при моем категорическом возмущении?

Е. И. Чазов

Книга первая

Здоровье и власть

Первые шаги

В декабре 1989 года по дороге из Кракова в Варшаву автомашина, на которой я возвращался после вручения мне мантии почетного доктора Краковской медицинской академии, врезалась в неизвестно как оказавшийся поперек дороги польский «фиат». Я слышал разговор врачей: переломы, разрывы мышц, кровоизлияние, шок. И, понимая всю тяжесть состояния, радовался тому, что буду жив, что еще увижу дом, семью, своих учеников, наконец, самое главное, увижу небо, леса, просторы, вообще смогу ощутить все, что человек вкладывает в понятие «жизнь».

Только родившись второй раз, понимаешь, как дорога жизнь и сколько счастья и радости приносит она нам, несмотря на все несчастья, неприятности, невзгоды, которые приходится переносить. А если жизнь полна событий, встреч, если рядом творится история, то тем более хочется жить. И еще больше хочется донести до людей правду о том, какова она, эта история, история без прикрас и недомолвок, история как объективная истина. Но еще великий Платон говорил: «Истина прекрасна и незыблема, однако, думается, внушить ее нелегко».

Говорят, история рассудит. А всегда ли это так? Не служит ли она зачастую чьим-то минутным интересам, не подыгрывает ли существующей в общественном мнении моде? Российская история, да и современная история – яркий тому пример. Одни и те же исторические факты могут приобретать совершенно разные значения в зависимости от характера их интерпретации. Вот почему важно объективное изложение материала, без предубежденности и без заинтересованности.

Как не позавидовать древнему Пимену, отрешившемуся от всего мирского в монастырской келье и ведущему летопись событий.

История – это прежде всего люди, их судьбы, их влияние на судьбы других людей, на ход исторических процессов. Было бы все просто и ясно, если бы можно было все разложить по полочкам: это – хорошее, это – плохое, это – белое, это – черное. Но такого просто не может быть: человек не робот и не статист. В каждом из нас генетически заложены особенности характера и мышления, талант (или его частицы), формирующийся в зависимости от условий жизни, среды, воспитания. Лучше всего это выразил скульптор Эрнст Неизвестный в памятнике Н. С. Хрущеву. Совмещая белое и черное, он хотел показать природу человека. Все мы состоим из белого и черного, только у одних больше белого, а у других – черного.

Моя жена совсем молодой девушкой работала в медицинском управлении Кремля. Однажды ее попросили проводить И. В. Сталина к руководителю одной из зарубежных коммунистических партий, находившемуся на обследовании в больнице. Поднимаясь в лифте, она увидела, что рукав шинели, в которой был Сталин, заштопан. Надо было знать, что тогда Сталин значил для любого советского человека, тем более – для молодой девушки. Вот и парадокс: убийца миллионов, тиран и в то же время – человек, не думающий о собственном благе, лишенный стяжательства, аскет. «Значит, Сталин не думает о себе, он думает о нас, о народе», – решила тогда молодая наивная девушка.

По-разному оцениваются те или иные личности, их характер, их значимость в жизни и политике, науке и культуре теми, кто их знал или был к ним близок. Процент субъективизма, как правило, велик. Он в значительной степени определяется политической и общественной ситуацией. К сожалению, беспристрастного восприятия истории практически не существует.

Жизнь и профессия сталкивали меня со многими политическими и государственными деятелями в нашей стране и за рубежом: Л. И. Брежнев и Г. Насер, Ю. В. Андропов и Х. Бумедьен,¹ К. У. Черненко и Ж. Дюкло,² Г. К. Жуков и Л. Лонго,³ М. С. Келдыш⁴ и В. Ульбрихт,⁵ К. М. Симонов и Ле Зуан⁶ и многие, многие другие прошли передо мной за двадцать три года. Сегодня каждого из них описывают в зависимости от симпатий и антипатий не только к ним самим, но и к делу, которым они занимались. Если образ Г. Насера рисуют арабские деятели, то это национальный герой, необыкновенная личность. Если за него берутся западные журналисты, то изображают тираном и наделяют нелестными эпитетами. Л. И. Брежнева иначе как бездарностью и взяточником, причиной всех бед, свалившихся на головы советских людей, средства массовой информации в настоящее время нам не представляют. Но ведь этот вопрос гораздо сложнее. Забывают журналисты и публицисты, что в истории были как минимум два Брежнева: Брежнев Московского договора, ОСВ-1, Хельсинкского соглашения и Брежнев, допустивший то, что страна дошла до застоя в обществе и экономике, раскручивала спираль гонки ядерных вооружений. А какая противоречивая фигура Ю. В. Андропов! Даже у М. А. Суслова, с которым у нас была взаимная антипатия, в его фанатичной преданности прошлому, партийной догме была какая-то честность. Кстати, и в повседневной жизни он был очень честен.

Мне не хочется претендовать на обладание бесспорной истиной; может быть, что-то я видел не так, как другие свидетели событий. Но описать объективно то, что я знал, уверен – мой долг перед будущими поколениями, которые по крупицам будут собирать и сопоставлять правду о нашем непростом, а в чем-то и трагическом времени.

«Кто вы?» – нередко спрашивали меня западные журналисты. Кем только меня не представляли! В журнале «Ридерс дайджест» утверждалась, например, такая нелепость, что я являюсь одним из высших чинов КГБ. В 1984 году, во время моего пребывания в Соединенных Штатах Америки, люди из Голливуда предлагали снять фильм, где я должен был выступать в качестве близкого Брежневу человека, который, вопреки его воле, стал одним из самых выдающихся борцов за мир.

Всех превзошли Е. Тополь и Ф. Незнанский в развлекательном, но очень глупом бестселлере «Красная площадь», изданном в Нью-Йорке в 1984 году. В нем профессор Е. Чазов является чуть ли не полномочным представителем Брежнева в расследовании причин смерти заместителя председателя КГБ С. Цвигуна,⁷ которая, по их мнению, последовала не в результате самоубийства, а явилась следствием заговора. Моя жена с юмором сказала мне: «Знаешь, подав в суд на авторов за нанесение морального ущерба, ты, несомненно, выиграл бы процесс. Во-первых, у тебя густая шевелюра, а не лысина, как они пишут, во-вторых, ты, как истинный врач, не куришь, а в-третьих, не пьешь коньяк из стаканов, да еще на работе».

Кто я? Врач, ученый, работы которого известны всему миру, общественный деятель, оказавшийся в гуще политических событий, брошенный в этот омут судьбой или Божьей волей. Можно по-разному интерпретировать, кем брошен, в зависимости от взглядов читателя – атеиста или верующего.

¹ Бумедьен Х. – в 1965–1976 гг. председатель Революционного совета и Совета министров Алжирской Народной Демократической Республики. С 1976 г. президент Алжира.

² Дюкло Ж. – в 1931–1975 гг. член политбюро Французской компартии. С 1959 г. сенатор.

³ Лонго Л. – в 1964–1972 гг. генеральный секретарь Итальянской компартии.

⁴ Келдыш М. С. – в 1961–1975 гг. президент Академии наук СССР, академик, известный математик, один из руководителей советских космических программ.

⁵ Ульбрихт В. – в 1950–1971 гг. первый секретарь Социалистической единой партии Германии. Председатель Госсовета ГДР.

⁶ Ле Зуан – в 1960–1976 гг. первый секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама, с 1976 г. генеральный секретарь.

⁷ Цвигун С. К. – в 1963–1967 гг. председатель КГБ при Совмине Азербайджанской ССР. В 1967–1982 гг. – первый заместитель председателя КГБ при Совмине СССР.

Вращаясь двадцать три года в гуще политических страстей, зная о необычных и непредсказуемых судьбах видных политических деятелей, мне иногда хотелось узнать, почему же тогда, в конце 1966 года, выбор Л. И. Брежнева пал на меня, причем при моем категорическом возражении? У меня не было ни «ответственных» родителей, ни связей, ни блата. Да и политически я был индифферентен, отдаваясь весь своей любимой науке и врачебному делу. Жизнь только начинала мне улыбаться.

Перебрав возможные кандидатуры на должность директора Института терапии, где я работал заместителем директора, и получив от всех отказ, президиум Академии медицинских наук был вынужден не только назначить меня директором института, но и рекомендовать меня в члены-корреспонденты академии. Мои работы по лечению больных инфарктом миокарда, новые подходы к лечению тромбозов были известны к этому времени во многих странах мира. Известный американский кардиолог Пол Уайт, с которым мы подружились, предрекал большое будущее моим работам.

И вдруг, как ураганом, были сметены за несколько дней все мои планы, мечты. На Всесоюзном съезде кардиологов в конце декабря 1966 года мне пришлось сидеть в президиуме вместе с бывшим тогда министром здравоохранения Б. В. Петровским. Я не придавал значения его расспросам о жизни, интересах, знакомствах, о врачебной деятельности. На следующий день он позвонил мне и попросил зайти поговорить. Это тоже не вызвало у меня беспокойства, так как во время встречи на съезде я посвятил его в планы создания в стране кардиологической службы для лечения больных с заболеваниями сердца. Каково же было мое удивление, когда он, не успев даже поздороваться, предложил мне возглавить 4-е Главное управление при Министерстве здравоохранения СССР, называвшееся в народе Кремлевской больницей. Мне, по понятиям, принятым в нашей стране, тридцатисемилетнему «мальчишке». В первый момент я настолько растерялся, что не знал, что и сказать. Однако воспоминания о Кремлевской больнице, где мне пришлось работать врачом в 1956–1957 годах, воспоминания о привередливом и избалованном «контингенте» прикрепленных, постоянный контроль за каждым шагом в работе и жизни со стороны КГБ вызвали у меня категорическое неприятие предложения. Вспомнилось и другое: насколько известно, предлагались многие кандидатуры на эту должность: заместитель министра А. Ф. Серенко, профессор Ю. Ф. Исаков и другие. А кресло начальника уже семь месяцев вакантно, и прочат в него тогдашнего заместителя начальника 4-го Главного управления Ю. Н. Антонова. Пусть бы и шел, чем кого-то срывать с любимой работы. Но если семь месяцев не берут, значит, не хотят или есть какие-то другие причины.

Мои доводы Петровский не воспринимал. Не подействовал даже такой по тем временам, как казалось мне, убедительный довод, что я разведен. Моя первая жена, известный реаниматолог, работала в это время в институте у Б. В. Петровского. Выслушав все мои аргументы, министр сказал, что все это хорошо, но завтра я должен быть в ЦК КПСС у товарищей В. А. Балтийского и СП. Трапезникова, а сразу после Нового года со мной хотел бы встретиться Л. И. Брежнев.

После такого сообщения стало ясно, что я уже «проданная невеста» и мое сопротивление напрасно. Кстати, когда я был на следующий день у В. А. Балтийского и со свойственной мне прямоотой начал отказываться, всегда вежливый, но хитрый, напоминавший мне лису на охоте, заведующий сектором здравоохранения ЦК намекнул, что категорический отказ может повлиять на избрание меня членом-корреспондентом. Эти дни, совпавшие с началом Нового, 1967 года, были сплошной фантазмагорией. Первое, что меня поразило, – масса поздравлений с Новым годом, которые я получил. Никто, по моему мнению, кроме ограниченного круга людей, не мог знать о предложении и предстоящем разговоре с Л. И. Брежневым. Тем более этот «круг» предупредил меня о молчании. Я не был столь наивен, чтобы думать, что поздравляют ординарного молодого профессора. Многие поздравления к тому же были от незнакомых мне лиц.

Да простятся человеческие слабости, проявления которых я не раз ощущал на себе в зависимости от положения и ситуации. Я помню не только эту удивительную массу телеграмм, направленных еще не назначенному руководителю 4-го Главного управления. Я помню и тот вакуум, который стал образовываться вокруг меня после смерти Л. И. Брежнева и после того, как, понимая всю бесперспективность борьбы за обновление советского здравоохранения, я подал в отставку с поста министра.

Недавно я встречался с французскими коллегами. И когда они обратились ко мне со словом «министр», я, для того чтобы не возникло каких-то недоразумений, сказал им: «Уважаемые господа, я уже не министр». В ответ я услышал: «Уважаемый профессор! В нашей стране человек, бывший министром, на всю жизнь в обращении остается министром». Вот бы такие правила да в нашу страну! Ведь уже через несколько недель после того, как я перестал быть министром, многие из тех, которые обращались ко мне с просьбами, которым я помогал, и много помогал, вдруг перестали меня узнавать, а при встрече спешили перейти на другую сторону улицы. Но эти человеческие слабости неисправимы, и к ним надо относиться снисходительно.

В первый же день 1967 года рано утром я отправился на Старую площадь, в подъезд № 1. Переступая порог этого здания, которое в то время олицетворяло власть, могущество, где определялись судьбы миллионов и куда входили с почтением и дрожью, мне и в голову не приходило, что этот подъезд станет для меня обычным входом в обычное учреждение, где придется решать обыденные рабочие вопросы.

В этот день меня передавали по цепочке: Б. В. Петровский – В. А. Балтийскому, В. А. Балтийский – заведующему отделом науки ЦК КПСС СП. Трапезникову. Наконец около 10 утра нас (меня, Б. В. Петровского и СП. Трапезникова) пригласили в кабинет Л. И. Брежнева. Здороваясь с ним, я не предполагал, что на пятнадцать лет свяжу свою жизнь с этим человеком. В тот момент мне Брежнев понравился – статный, подтянутый мужчина с военной выправкой, приятная улыбка, располагающая к откровенности манера вести беседу, юмор, плавная речь (он тогда еще не шепелявил). Когда Брежнев хотел, он мог расположить к себе любого собеседника. Говорил он с достоинством, доброжелательством, знанием дела.

Какая жизнь, какая судьба! Разве мог я предполагать тогда, что на моих глазах произойдет перерождение человека и невозможно будет узнать в дряхлом, разваливающемся старике бывшего статного красавца. Разве это нельзя было предотвратить? Можно. Но часто губят не болезни, а пороки.

Разговор продолжался около двух часов. Брежнев вспоминал, как перенес во время работы в Кишиневе тяжелый инфаркт миокарда, как в 1957 году, накануне пленума ЦК КПСС, на котором были разгромлены Маленков, Молотов и Каганович, он попал в больницу с микроинфарктом и все же пошел на пленум спасать Н. С. Хрущева. Причем, когда он вышел на трибуну, бывшая тогда министром здравоохранения М. Ковригина встала и заявила, что Л. И. Брежнев серьезно болен и ему надо запретить выступать. (Кстати, это стоило ей в дальнейшем, после снятия Маленкова и Молотова, кресла министра.) И как бы в ответ на этот выпад Брежнев ответил, что большевики за свои принципы борются до конца, даже если это ставит под угрозу их жизнь. Во время разговора он много шутил, вспоминал смешные истории. Создавалось впечатление, что он хочет понравиться.

Насколько я помню, в США есть такое слово «политишн». Так что можно сказать, что Брежнев в тот период был типичным американским «политишн».

Он не спрашивал меня о моих политических симпатиях или убеждениях, о моем отношении к политбюро, к активно проводимой в то время перестройке систем, созданных Н. С. Хрущевым. В разговоре было больше медицинских и житейских проблем. Вспоминали старую Кремлевку, где он лечился и где я работал в 1957 году. Брежнев резко высказывался в отношении состояния работы этого управления. «Вы тот человек, с новыми мыслями, который нам

нужен. Надо создать показательную систему, привлечь лучшие силы, взять на вооружение все лучшее, что есть в мировой медицине. Н. С. Хрущев роздал все, разрушил то, что создавалось в медицинской службе Кремля, работал на публику. А что это дало? Ну отдали два-три санатория, теперь они почти не функционируют. А что, народ стал от этого лучше жить?»

Действительно, мне пришлось побывать в тех санаториях, которые были переданы Хрущевым профсоюзам, другим организациям. Никогда не забуду, как в 1968 году нам необходимо было разместить в Цхалтубо президента Г. Насера, который приезжал туда на лечение. Вспомнили, что в Цхалтубо есть дача, построенная для Сталина. Вместе с тогдашним руководством Грузии мы выехали на эту дачу, которая в то время функционировала как дом отдыха МВД республики. Я уж не говорю о грязи, запущенности, царивших в этом прекрасном здании. Первое, что меня поразило, когда я вошел, – это вбитый между двумя мраморными досками камина большой гвоздь, на котором висела милицейская фуражка. Здание было в таком состоянии, что мы не смогли за короткое время привести его в порядок, и Насера разместили в другом помещении.

К сожалению, в нашей стране существует принцип – если разрушать, то разрушать до конца. Сколько было разрушено храмов, сколько было разорено прекрасных памятников архитектуры только из-за того, что это были усадьбы богатых людей? К сожалению, и сейчас существует такая тенденция: разрушать то, что было создано предыдущим поколением, если в чем-то это поколение или его политика, стиль жизни не устраивают тех, кто пришел ему на смену.

Выслушав в заключение мои категорические возражения, Л. И. Брежнев сказал: «Вот если бы вы сразу согласились и сказали: Леонид Ильич, партия сказала «надо» – значит, "есть!", я бы еще подумал, назначить вас начальником управления или нет. А если отказываетесь, то это значит, что лучше вас никого не найдешь». И, оборачиваясь к вошедшему начальнику охраны А. Рябенко, добавил с юмором: «Саша, Евгений Иванович не хочет идти работать в 4-е управление, так ты найди в охране здания милиционера не ниже полковника и отправь с ним его в управление. Пусть начинает работать».

И я (конечно, без милиционера) поехал в 4-е Главное управление. То, что мое назначение оформлялось в спешном порядке и было полной неожиданностью, в частности, для коллектива этого управления, мне стало ясно из курьезной ситуации, которая возникла, когда с приказом о моем назначении я приехал в комендатуру на улице Грановского. Когда я себя назвал, на лицах охраны было написано такое нескрываемое удивление и растерянность, что это вызвало у меня улыбку. Мне смущенно сказали, что пропустить меня не имеют права, так как пропуска нет. Начальник охраны куда-то долго звонил, с кем-то разговаривал. Наконец получив, видимо, указания, он выбежал с извинениями из своего кабинета и проводил меня в основное здание.

Не скоро я, наивный врач и ученый, понял, что оказался пешкой в той политической борьбе за власть, которая развернулась в то время между группой Л. И. Брежнева и группой А. Н. Шелепина. Политическая борьба за власть, часто незаметная для широких кругов, знаменует все семьдесят с лишним лет истории Советского государства: Ленин и Троцкий, Троцкий и Сталин, группа Хрущева и группа Маленков – Молотов – Каганович и другие, Хрущев и коалиция Брежнев – Шелепин – Подгорный – Косыгин и другие. Продолжается она и сейчас.

Мне пришлось близко познакомиться почти со всей группой, сместившей в 1964 году Н. С. Хрущева. Меня удивляло, как могли объединиться в непростой и до определенного момента тайной политической борьбе такие не похожие по своим характерам, взглядам, принципам, да и просто по человеческим качествам, Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин, М. А. Суслов и А. Н. Шелепин, К. Т. Мазуров и Д. С. Полянский. Но вскоре я понял: помимо того, что подавляющее большинство из них понимало, что политика, которую начал осуществлять Н. С. Хрущев в последние годы, может привести к непредсказуемым последствиям в жизни страны, у каждого из группы были свои личные причины добиваться его отставки. Наиболее активными и наиболее известными в тот период в партии, которая практически определяла жизнь страны

и общества, были Л. И. Брежнев и А. Н. Шелепин. Оба были из относительно молодого и нового поколения руководителей, если сравнивать их с М. А. Сусловым и А. Н. Косыгиным, оба прошли школу политической борьбы и политических интриг, оба занимали видные посты в партии и оба пользовались определенной популярностью в народе. В этом отношении Л. И. Брежнев проигрывал А. Н. Шелепину, которого считали более радикальным. Имело значение и то, что многие знали о тесной дружбе Л. И. Брежнева и Н. С. Хрущева, который всегда поддерживал Брежнева. В свою очередь, Брежнев до поры до времени составлял опору Хрущеву, объединял силы в его поддержку, как это было в период разгрома группы Маленкова, Молотова, Кагановича и других в 1957 году. К началу 1967 года сложилась непростая расстановка сил в руководстве партии.

Мне бывает грустно и смешно, когда я знакомлюсь с характеристиками, которые падкая на «моду» свободная демократическая советская печать дает руководителям периода застоя. (Никто не определил, с какого времени надо вести его отсчет.) Это касается, в частности, и характеристик, даваемых Л. И. Брежневу.

Никто из современных публицистов и политологов всерьез не задастся вопросом, почему партия выбрала в 1964 году Брежнева и подтвердила свой выбор на XXIII съезде в 1966 году, избрав его генеральным секретарем? Почему именно он, а не Шелепин, имевший в своих руках большие рычаги влияния на партию, или не Косыгин, которого любили в народе, которого я, например, как и многие, считал и считаю умнейшим человеком и талантливым организатором, которому и до сих пор нет равных? А ведь, может быть, пошла бы по совсем другому пути история нашей страны, история партии, если бы в 1966 году встал во главе не Л. И. Брежнев, а кто-то из этих двоих? Но из истории, как и из песни, слова не выбросишь.

Но почему все-таки Брежнев? Чем подкупил он в своей борьбе за власть? Да тем, что как политик, как знаток политической борьбы он был выше всех. Он был достойным учеником своего учителя Н. С. Хрущева. Он прекрасно знал человеческую натуру и человеческие слабости. Что значило для секретаря обкома или секретаря крупного горкома, которые в то время определяли жизнь партии на местах, когда первый секретарь ЦК КПСС звонит, иногда поздно вечером, иногда и во время своего отпуска, и интересуется делами партийной организации, спрашивает: как виды на урожай, что с промышленностью, что нового в области, ну и, конечно, как ты себя чувствуешь и чем тебе, дорогой, помочь? Этим ли путем или просто постепенной, незаметной на первый взгляд заменой старых секретарей на более молодых и лояльных, но он обеспечил себе к XXIII съезду партии поддержку подавляющего большинства партийной элиты.

Он прекрасно понимал, что этого недостаточно, необходимо завоевать популярность в народе. И надо сказать, что он это делал не популистскими лозунгами, которыми пестрит наше время, а конкретными решениями, понятными и осязаемыми простыми людьми. Несомненно, что все это обсуждалось и предлагалось на политбюро, в правительстве теми же А. Н. Косыгиным, К. Т. Мазуровым, А. Н. Шелепиным и другими. Но ведь выступал-то перед народом Л. И. Брежнев.

Многие сегодня забыли, а в тот период на простых советских граждан произвело большое впечатление решение о пятидневной рабочей неделе. А возьмите другие решения – установление пенсионного возраста для женщин с пятидесяти пяти, а для мужчин с шестидесяти лет, оплата труда и пенсии колхозникам, повышение заработной платы и снижение цен на ткани, детские изделия, часы, велосипеды, фотоаппараты и т. д. Разве это не прибавляло авторитета руководству, и в первую очередь Брежневу? И хотя не хватало мяса, ряда продовольственных товаров, эти конкретные шаги, несомненно, прибавили ему популярности.

Тонкий политик, Брежнев понимал, что жизнь сложна, трудности еще впереди, некоторые решения поспешны и поэтому необходимо так утвердить себя в партии, в руководстве страной, чтобы завоеванные позиции были прочны и чтобы рядом не было конкурентов или

молодых радикалов, которые в один прекрасный день, воспользовавшись появившимися трудностями, сместят его с поста, как это они сделали с Н. С. Хрущевым. Ему это удалось блестяще выполнить и оставаться лидером страны восемнадцать лет, причем фактически не работая последние шесть лет.

Но для этого надо было освободиться от конкурентов. Первым и главным был Шелепин. С первых же дней работы, с первых моих встреч с Брежневым, хотя он на первом этапе не был довольно откровенным со мной, я понял, что идет борьба между ним и Шелепиным. Для этого не надо было быть глубоким аналитиком. Достаточно было просто оценивать постоянную критику «Саши» в разговорах, которые велись Брежневым и его окружением.

Надо сказать, что, помимо того что А. Н. Шелепин пользовался авторитетом у определенной части партийного актива, многие близкие ему по прошлой работе люди занимали целый ряд ключевых постов в партии и государстве, а других он еще пытался продвинуть на имеющие важное значение позиции. Например, КГБ возглавлял В. Е. Семичастный, а 9-е управление КГБ, осуществлявшее охрану руководства партии и правительства, – генерал В. Я. Чекалов, МВД – В. С. Тикуннов, радио и телевидением руководил Н. Н. Месяцев. Заместителем управляющего делами ЦК КПСС был Г. Т. Григорян, которого прочили в управляющие. Буквально через несколько дней после назначения Грант Тигранович позвонил мне и предложил встретиться. Умный, проницательный Григорян, видимо, изучал мое нутро и суть моей позиции. Убедившись, что я не в курсе сложившейся ситуации, он расхваливал мне моего первого зама профессора Ю. Г. Антонова. У меня уже состоялось первое знакомство с ним, и мне казалось, что мы сработаемся. И я не видел, по крайней мере, причин от него освобождаться.

Но буквально через две недели после назначения меня пригласили к Брежневу, у которого в связи с простудой был острый катар дыхательных путей. (Тогда у него не было еще большой шикарной дачи в Заречье и жил он в относительно скромной квартире на Кутузовском проспекте.) После того как вместе с лечащим доктором Н. Родионовым мы его осмотрели и рекомендовали лечение, он пригласил нас попить вместе чаю. Разговор за чашкой чаю зашел о хоккее, который Брежнев очень любил, о погоде, о предстоящей эпидемии гриппа. Неожиданно он меня спросил: «А как Антонов, все еще работает?» Я даже растерялся от такого вопроса, ибо до этого не думал, что генеральный секретарь может интересоваться фигурой заместителя начальника 4-го управления. «Уж он-то хотел, чтобы не ты стал начальником управления. Семь месяцев ждал этого места», – продолжал Брежнев. На этом разговор закончился. Я не знал, как его понять. Что это? Просто констатация факта или намек на то, что Антонов неуютен Брежневу и его окружению? Точки над «i» расставил Б. В. Петровский, который посвятил меня в тонкости создавшейся ситуации.

Оказывается, так же как Г. Т. Григорян претендовал на место управляющего ЦК, так и Ю. Г. Антонов претендовал на место начальника 4-го управления. Вот тогда я понял, что моя кандидатура была противопоставлена кандидатуре Антонова, который был связан с Шелепиным. Брежнев не хотел, чтобы во главе 4-го управления стоял человек Шелепина. 4-е управление – очень важный участок: здесь хранятся самые сокровенные тайны руководства страны и его окружения – состояние их здоровья, прогноз на будущее, которые при определенных условиях могут стать оружием в борьбе за власть. Я понимал, что только стечение обстоятельств заставило назначить на эту должность меня. И опять надо оценить правильный и тонкий ход Брежнева: рядом лучше иметь нейтрального, малоизвестного человека, ученого и врача, лишенного политических симпатий и амбиций.

Уверен, если бы была подходящая кандидатура из его окружения, то я бы спокойно продолжал свою научную деятельность. Но подпирало время. Семь месяцев стоял во главе такого управления исполняющий обязанности, и дальше сохранять такое положение было просто неудобно. Единственный человек, активно поддерживавший Брежнева в его решении, был Ю. В. Андропов. Дело в том, что летом 1966 года, за несколько месяцев до моего назначения, мне

вместе с академиком Е. В. Тареевым⁸ пришлось консультировать Ю. В. Андропова в сложной для него ситуации.

К слову сказать, уровень врачей управления в тот период был крайне низок. Мой учитель А. Л. Мясников, который терпеть не мог это управление и не любил там консультировать (может быть, из-за воспоминаний о последних днях Сталина, в лечении которого он участвовал), с ехидцей говаривал: «Там полы паркетные, а врачи анкетные». Он намекал, что при приеме на работу отдавалось предпочтение не квалификации, а показной верности идеалам партии, политической болтовне и демагогии.

Тамошние врачи и консультанты, не разобравшись в характере заболевания, решили, что Андропов страдает тяжелой гипертонической болезнью, осложненной острым инфарктом миокарда, и поставили вопрос о его переходе на инвалидность. Решалась судьба политической карьеры Андропова, а стало быть, и его жизни. Мы с Тареевым, учитывая, что Андропов длительное время страдал от болезни почек, решили, что в данном случае речь идет о повышенной продукции гормона альдостерона (альдостеронизме). Это расстройство тогда было мало известно советским врачам. Исследование этого гормона в то время проводилось только в институте, которым я руководил. Анализ подтвердил наше предположение, а назначенный препарат альдактон, снижающий содержание этого гормона, не только привел к нормализации артериального давления, но и восстановил электрокардиограмму. Оказалось, что она свидетельствовала не об инфаркте, а лишь указывала на изменение содержания в мышце сердца иона калия. В результате лечения не только улучшилось самочувствие Андропова, но и полностью был снят вопрос об инвалидности, и он вновь вернулся на работу.

В период, когда я начал работать в управлении, он становился одним из самых близких Брежневу людей в его окружении. Познакомившись с ним через своего старого друга и соратника Д. Ф. Устинова, вместе с которым по поручению Хрущева руководил программами космоса и ракетостроения, Брежнев быстро оценил не только ум Андропова, его эрудицию, умение быстро разбираться в сложной обстановке, но и его честность. Советы Андропова, несомненно, во многом помогали Брежневу завоевывать положение лидера. К сожалению, после 1976 года, когда Брежнев отдал все на откуп своему окружению, советы Андропова часто повисали в воздухе.

В 1967 году Брежнев понимал, что для укрепления позиций в борьбе с А. Шелепиным ему необходима поддержка армии, КГБ, МВД и партийного аппарата. За армию он был спокоен, учитывая его связи с генералитетом и то, что во главе Министерства обороны стоял знакомый ему маршал Р. Я. Малиновский. Сложнее было с КГБ, который возглавлял близкий Шелепину Семичастный. Убрать его можно было, предложив фигуру, занимающую высокий ранг в таблице партийной иерархии. Такой фигурой был секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов. И Брежнев без труда добивается его назначения на важнейший пост председателя КГБ, во многом определявшего жизнь страны. Во главе МВД страны Л. И. Брежнев ставит хорошо ему знакомого Н. А. Щелокова, работавшего вторым секретарем ЦК КП Молдавии.

Уезжают за границу в почетную ссылку близкие Шелепину лица: Тикунов – советником посольства в Румынию, Месяцев – в Австралию, Григорян – в ФРГ. Семичастный назначается в Киев заместителем председателя Совета министров Украины под присмотр близкого Брежневу В. В. Щербицкого. Чекалова назначают в один из городов Российской Федерации начальником областного управления КГБ. Мой заместитель Антонов, которого долгое время защищали перешедшие из ЦК КПСС противники Брежнева – заместители министра Б. П. Данилов и А. Ф. Серенко, в конце концов перешел на должность начальника подобного управления в правительстве Российской Федерации.

⁸ Тареев Е. М. – известный советский терапевт-нефролог, академик АМН СССР. С 1951 г. заведующий кафедрой терапии 1-го Московского мединститута.

Все первое полугодие 1967 года мне часто приходилось встречаться и с Брежневым, и с Андроповым, и я чувствовал их уверенность в успешном исходе борьбы с Шелепиным, который оказался менее искушенным и искусным в сложных перипетиях борьбы за политическую власть. Ни в политбюро, ни в ЦК он так и не смог создать необходимого авторитета и большинства. Старики не хотели видеть во главе страны «комсомольца», как они называли Шелепина, памятуя его руководство комсомольской организацией СССР. И хотя я помню то напряжение, которое царило перед пленумом ЦК КПСС, на котором Шелепина освободили от должности секретаря ЦК, Брежнев без большого труда убрал с политической арены своего возможного конкурента.

Вскоре после моего назначения я начал создавать по поручению Брежнева концепцию принципиально новой системы, которая, вобрав все лучшее, что есть в мировой медицинской науке и практике, могла бы обеспечить сохранение здоровья определенной группе населения. Кстати, такие системы разрабатывались и существовали за рубежом, в частности в США, в виде, например, специальных клубов для лиц, располагающих солидным капиталом и положением. Их материалы помогли и мне в формировании новых подходов.

Для оценки возможностей рационального использования Крыма в целях восстановительной терапии и строительства реабилитационных центров мы с группой сотрудников прилетели в Симферополь. Первое, что мы слышали в аэропорту, – это постановление о назначении Андропова председателем КГБ. Всем все стало ясно. У одного из членов группы, прилетевших со мной, который был связан с Шелепиным и Семичастным и очень переживал за исход их борьбы, непроизвольно вырвалось: «Все. Теперь уже точно началось время Брежнева». Шла весна 1967 года.

Долг превыше всего

Вероятно, по-разному будут оценивать это время историки. Уверен, что по-разному оценивают его и те, кто жил и работал в тот период. У меня сложилось двойственное его восприятие. С одной стороны, энтузиазм новыхстроек, порыв молодежи к освоению необжитых районов Сибири и Дальнего Востока. Сооружен ВАЗ, без которого и сегодня трудно пришлось бы нашей стране. Активно разрабатывались месторождения нефти и газа в Западной Сибири, прокладывались трубопроводы в Европу, которые обеспечивают поступление валюты и в наше время, строились железная дорога через Сибирь и Дальний Восток, автомобильный завод на Каме. Помню большой зал временного общежития в только что начавшем строиться Тольятти, в котором рядом были и заместители министров, и мастера-строители, и проектировщики, и партийные руководители. Люди разного положения, возраста, образования, они в это время представлялись мне единым сплоченным коллективом с одной идеей – быстрее построить завод. К сожалению, этот порыв в стране стал постепенно угасать, по мере того как рушились надежды людей на лучшую жизнь.

С другой стороны, это был период, главным образом после 1976 года, когда начало процветать взяточничество, воровство, когда страна начала скатываться к алкоголизму и бездуховности.

Маленький штрих, может быть, лучше всего даст представление о нравах, которые царили в конце 70-х годов. Однажды, приехав в управление, перед Новым годом, я узнал от секретаря, что фельдсвязь, которая, как известно, обеспечивает доставку специальной секретной почты, привезла направленные мне от руководства Грузии, как вы понимаете, не секретные, пять ящичков мандаринов. Конечно, по тем временам это мелочь, но существуют принципы, которые, к сожалению, очень многие не только в руководстве, но и в обществе не понимали. Когда я устроил своему секретарю скандал за то, что она это подношение приняла, бедная растерявшаяся Мария Степановна начала звонить руководителю фельдсвязи, чтобы ее не подвели и забрали «чертовы» мандарины обратно. Руководитель долго не мог сообразить, в чем дело, а когда понял, то сказал, что таких сумасшедших, слава богу, мало. Но ящики все же забрал.

Нельзя отождествлять всю страну с рашидовыми, щелоковыми и другими, им подобными. Кто-то же построил ВАЗ, КАМАЗ, БАМ, кто-то же покорял космос, кто-то же сделал нашу страну «сверхдержавой». Было немало честных, преданных делу людей даже в вотчине Рашидова. Знаю, чего стоило моему близкому знакомому Эдуарду Болеславовичу Нордману, которого Ю. В. Андропов назначил председателем КГБ Узбекистана, не только сохранить свою честность и принципиальность, но и сообщать Андропову всю правду о ситуации, складывающейся в республике. Он бы, конечно, мог многое рассказать. Недаром, спасая его, когда ситуация стала критической, Андропов, который верил кристально честному бывшему белорусскому партизану Нордману, срочно направил его из Узбекистана на работу за границу. Когда я слышу заявления о том, что благодаря Гдляну и Иванову удалось разоблачить взяточничество и коррупцию в Узбекистане, я могу только горько улыбаться, вспоминая рассказы Нордмана о его докладах Андропову или заявление самого Андропова о безобразиях, которые там творятся. Да не они это вскрыли. Все было известно и до них.

И сейчас мне трудно сказать, несмотря на близость к Андропову, почему он, в принципе честный человек, не поднял активно голоса против Рашидова или почему при своем колоссальном влиянии на Брежнева не добился его отстранения. Надо сказать, что и Брежнев был не в очень близких отношениях с Рашидовым. В его доме можно было нередко встретить, например, Г. А. Алиева, но за все пятнадцать лет я ни разу не встречал там Рашидова. По крайней мере, Подгорный поддерживал Рашидова не меньше, чем Брежнев. Можно было бы

свести «устойчивость и благополучие» Рашидова к выдвинутой Сусловым и поддержанной Брежневым доктрине «стабильности кадров», но активное разоблачение Рашидова, начатое Андроповым сразу после того, как он возглавил руководство страной, говорит о том, что обстановка, сложившаяся в Узбекистане, была известна и искусственно сдерживалась определенными силами. Какими? На этот вопрос должны ответить те, кто входил в те времена в состав политбюро или курировал в ЦК и КГБ деятельность партийной и государственной организаций Узбекистана.

Для меня двадцать лет правления Брежнева, Андропова и Черненко вспоминаются как время тяжелой работы, без выходных и отпусков, как время ночных вызовов к пациентам, неожиданных вылетов за границу, когда на сборы есть только один час и, наоборот, неожиданных вызовов в страну во время зарубежных научных командировок.

Когда произошла трагедия – землетрясение в Армении – и я уже через шесть часов с группой специалистов был в Ереване, это вызвало удивление у представителей прессы. Но не мог же я им тогда сказать, сколько раз мне приходилось вылетать, выезжать срочно как из Москвы, так и в Москву. Мне не надо было времени на сборы – небольшой чемодан с необходимым был всегда со мной. Из каких только мест меня не вывозили. Дважды вертолетами меня снимали с гор Северного Кавказа, куда я любил подниматься, имея несколько свободных дней. Однажды уже через два с половиной часа я был в Крыму у Брежнева, у которого начиналось воспаление легких, а второй раз прямо с гор приехал в Москву к Пельше, у которого случился инфаркт миокарда.

А ведь, кроме работы в управлении, была еще и научная, и лечебная деятельность, которую я не оставлял ни на один день. Я мечтал о времени, когда не будет ночных вызовов и звонков, когда можно будет распоряжаться не только своим временем, но и самим собой. Сегодня я свободен: читаю лекции то в Москве, то в Нью-Йорке, то в Лондоне. Меня не гложет мысль, что через два часа меня могут отозвать или что кто-то недоволен моим долгим отсутствием в стране.

И все же в этой спокойной академической жизни я иногда с грустью вспоминаю и сложные ситуации, которые могли для меня закончиться печально, и своих товарищей по консилиумам, по совместному лечению больных, с которыми провел не одну бессонную ночь, и врачей бывшего 4-го управления, с которыми пришлось работать и которых сегодня превратили, в определенной степени, в изгоев, но равных которым по квалификации и самоотверженности я не знаю.

Но для того, чтобы создать такой коллектив честных, ответственных людей, высококвалифицированных специалистов, единомышленников, чтобы создать необходимую материальную базу, нужны были немалые усилия и, конечно, поддержка правительства. Сегодня, когда система 4-го управления разрушена, я могу сказать, что подобной системы не было и, вероятно, не будет не только в нашей стране, но и в мировой медицинской практике. Она позволяла сохранять не только жизнь, но и работоспособность тысячам пациентов, которые входили в орбиту ее деятельности. Вопрос: кто попадал в эту орбиту? – определялся не нами, а аппаратом ЦК КПСС, Советом министров СССР, политбюро. Незачем было разрушать эту систему. Рациональнее и дальновиднее было бы изменить контингент этого управления.

Мы – профессионалы, и профессионально делали свое дело. И не прекрасной материально-технической базой определялись наши успехи. В США, Англии, Франции я видел больницы и клиники, оснащение которых и условия работы были лучше, чем у нас. Суть в создании коллектива ответственных и квалифицированных специалистов, суть в решении организационных вопросов.

Сочетание института семейных врачей с работой высококвалифицированных профессоров и специально созданных клиник, позволявшее не на бумаге, а на деле внедрить систему диспансеризации, составляло успех нашей работы. В рамках этой системы были впервые в

мировой медицинской практике разработаны и внедрены принципы восстановительной терапии и реабилитации, которые лишь позднее начали обсуждаться на международных конгрессах и международных конференциях.

Кстати, на наши данные опирался Ю. В. Андропов, предложивший, будучи генеральным секретарем ЦК КПСС, внесение в партийные документы вопроса о всеобщей диспансеризации, несмотря на наши предостережения о поспешности этого шага для общей системы советского здравоохранения, не готовой к такой деятельности.

Заняв пост министра здравоохранения СССР, я попытался внедрить целый ряд принципов работы управления в систему здравоохранения. Это и институт семейного врача, и создание сети реабилитационных центров, и создание диагностических центров как важного фактора в организации диспансеризации населения. Однако все начинания рушились одно за другим из-за отсутствия финансовой поддержки правительства, слабой материально-технической базы здравоохранения и недостаточной квалификации основной массы врачей.

Можно было бы приводить много примеров, указывающих на эффективность работы системы 4-го управления. Нам удавалось восстанавливать работоспособность даже после тяжелых заболеваний. А. Н. Косыгин много и активно работал после перенесенного кровоизлияния в мозг. Ф. Д. Кулаков⁹ и Д. Ф. Устинов перенесли операции по поводу рака, однако после этих операций длительное время активно работали и умерли от других болезней. Известный конструктор ракетной техники М. К. Янгель создавал новые образцы техники, перенес пять инфарктов миокарда. Г. К. Жуков работал над своими воспоминаниями, перенес два инфаркта и нарушение мозгового кровообращения.

Да что говорить. Не только многие политические и государственные деятели, но и видные конструкторы, ученые, деятели культуры и искусства были обязаны жизнью и возможностью творить именно в созданной системе.

Но тогда, в 1967–1970 годах, еще только шло формирование этой системы. Формировалась она на ходу, ибо работа шла своим чередом, со своими ежедневно возникающими проблемами. И прежде всего проблемами, связанными с больными, которых мне вместе с моими товарищами-профессорами приходилось ежедневно консультировать.

Один из моментов, позволивших мне избежать трагических ошибок и утвердиться, заключался в том, что рядом со мной были ведущие ученые и клиницисты нашей страны: академики П. Е. Лукомский,¹⁰ Е. М. Тареев, В. Х. Василенко,¹¹ Е. В. Шмидт,¹² профессора В. С. Маят,¹³ А. Я. Абрамян,¹⁴ И. Л. Тагер,¹⁵ М. Л. Краснов,¹⁶ А. Е. Рабухин.¹⁷ В первые годы работы в 4-м управлении мне проще было решать профессиональные, сугубо медицинские проблемы диагностики и врачевания, чем разбираться в хитросплетениях сложных политических и лич-

⁹ Кулаков Ф. Д. – в 1960–1964 гг. первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС. В 1964–1978 гг. заведующий отделом, секретарь ЦК КПСС. Член политбюро в 1971–1975 гг.

¹⁰ Лукомский П. Е. – известный терапевт, академик АМН СССР. В 1953–1974 гг. заведующий кафедрой госпитальной терапии 2-го Московского мединститута, главный терапевт 4-го Главного управления.

¹¹ Василенко В. Х. – известный терапевт, академик АМН СССР. В 1948–1988 гг. заведующий кафедрой терапии 1-го Московского мединститута.

¹² Шмидт Е. В. – в 1966–1985 гг. директор Института неврологии АМН СССР, главный невропатолог 4-го Главного управления, академик АМН СССР, профессор.

¹³ Маят В. С. – известный хирург, профессор, заведующий кафедрой хирургии 2-го Московского мединститута. В 1964–1973 гг. главный хирург 4-го Главного управления.

¹⁴ Абрамян А. Я. – известный уролог, профессор, заведующий клиникой урологии МОНИКИ.

¹⁵ Тагер И. Л. – известный рентгенолог, член-корреспондент АМН СССР. В 1967–1976 гг. главный рентгенолог 4-го Главного управления.

¹⁶ Краснов М. Л. – известный офтальмолог, профессор. С 1945 г. заведующий кафедрой глазных болезней ЦИУ.

¹⁷ Рабухин А. Е. – известный пульмонолог, с 1940 по 1979 г. заведующий кафедрой фтизиатрии ЦИУ. С 1952 г. главный фтизиатр 4-го Главного управления.

ностных взаимоотношений. Постепенно я набирал необходимый дипломатический опыт. При всем этом с первых дней я поставил себя вне всех подобных ситуаций, утверждая себя как независимый врач, выполняющий свой долг.

На первых порах это вызвало определенное раздражение и недовольство не столько Л. И. Брежнева, сколько его окружения. Вновь назначенный начальник 9-го управления КГБ (охраны правительства) С. Н. Антонов сказал как-то позднее, когда утвердилось мое положение, что после того, как я уделял слишком большое внимание А. Н. Косыгину, его семье и ряду других лиц, ему было поручено еще раз изучить мое окружение и выяснить, нет ли у меня близких связей с этими лицами. Их не оказалось, и это успокоило Л. И. Брежнева, который видел в Косыгине второго (после Шелепина) претендента на роль лидера страны.

А суть была проста и трагична. Речь шла о болезни жены Косыгина, у которой еще до моего прихода в управление был диагностирован рак с метастазами. И она медленно умирала в Кунцевской больнице. А. Н. Косыгин тяжело переживал болезнь жены, раздражаясь из-за бессилия медицины. Вины врачей в данном случае не было. Супруга Косыгина, будучи, мягко говоря, своеобразным, непредсказуемым человеком, категорически отказывалась от принятой нормы ежегодного диспансерного обследования. Вследствие этого рак был выявлен в поздней неоперабельной стадии. Мне по-человечески было жалко дружную семью Косыгиных, и особенно самого Алексея Николаевича. И конечно, я и мои коллеги делали все, что в наших силах, для того чтобы облегчить последние дни Клавдии Андреевны. Она держалась очень стойко. Никогда не забуду прощание Алексея Николаевича с женой. Она специально пригласила его для последнего разговора, причем попросила и меня присутствовать при этом. Трудно было поверить, с какой нежностью и заботой о будущем своего мужа и семьи говорила резкая в выражениях и взглядах не только в обычной жизни, но даже и при самом Сталине К. А. Косыгина. Одним из последних слов, как я помню, были слова, обращенные уже к председателю Совета министров: «Ты знаешь теперь, как им тяжело (имелись в виду врачи. – Е. Ч.), и ты должен им помочь». Умерла она в день Первомая. А. Н. Косыгин срочно покинул трибуну Мавзолея, но так и не успел застать жену в живых.

Когда встал вопрос, на что израсходовать деньги от Ленинского субботника, именно А. Н. Косыгин, видимо помня наказ жены, настоял на строительстве на эти деньги крупнейшего в мире онкологического центра.

Вторая ситуация, из-за которой разгорелись страсти, была связана с совместным переходом через Кавказские горы президента Финляндии У. Кекконена и А. Н. Косыгина. В 1970 году Кекконену исполнилось семьдесят лет. При встречах он всегда подчеркивал свою физическую активность, свою спортивную форму. А. Н. Косыгин тоже, в отличие и на зависть своим товарищам по политбюро – Л. И. Брежневу, Н. В. Подгорному и М. А. Суслову, – отличался большой работоспособностью, постоянно поддерживал, несмотря на свой возраст, хорошую физическую активность. Летом помимо гимнастики и ходьбы он занимался академической греблей; зимой много, как и У. Кекконен, ходил на лыжах. Не могу сказать, где и когда договорились У. Кекконен и А. Н. Косыгин перейти совместно Кавказский хребет. Но как-то летом 1970 года я узнал от личного врача Косыгина, что через неделю У. Кекконен прилетит в Минеральные Воды, чтобы вместе с Косыгиным совершить переход.

А. Н. Косыгин, с легкостью пригласивший У. Кекконена, для которого это было своеобразной рекламой, в конце концов сообразил, что с горами семидесятилетнему человеку, хотя и крепкому физически, шутить нельзя. Осознал он и свою ответственность, так как приглашение исходило от него. Чтобы как-то застраховать себя, он и известил меня о сложившейся ситуации своеобразным образом, как бы между прочим, через своего лечащего врача.

Мое положение было не из простых – официально я ничего не знаю, а неофициально я отвечаю за жизнь президента Финляндии и председателя Совета министров СССР. Советоваться уже было не с кем – была пятница, и первое, что я решил, – это срочно вылететь на

Кавказ и пройти по трассе перехода, чтобы на месте разобраться в складывающейся ситуации и постараться обеспечить безопасность перехода. Я не раз поднимался в горы, хорошо их знаю. И знаю, что шутить с ними нельзя, какой бы высоты они ни были. Переход должен был состояться через Клухорский перевал, один из самых доступных. Но нельзя было забывать, что это около 25 километров горных дорог, 5 километров подъема и 7 километров спуска.

Прямо после самолета и автомашины (а от Минеральных Вод до Северного Приюта в Домбае, где начинается трасса перехода через перевал, километров двести) мы с двумя мастерами спорта прошли весь путь без остановки. Вышли около 12 часов дня, и надо было спешить, чтобы до темноты выйти в Абхазию. Самым тяжелым был участок подъема. В конце пути, несмотря на то что все вещи у меня взяли мастера спорта, я шел как в тумане, мечтая лишь об одном – не упасть и скорее добраться до Южного Приюта. А ведь мне было всего сорок, а не семьдесят, как У. Кекконену.

Вернувшись в Москву, я позвонил Косыгину и сказал, что вряд ли они осият весь переход и что необходимо срочно восстановить старую дорогу до вершины перевала и подъем совершить на машинах. Кроме того, на трассе создать места отдыха и подстраховать переход медицинским персоналом и спасателями.

А. Н. Косыгин выразил удивление, каким образом я узнал о предстоящем визите Кекконена, хотя все прекрасно понимал, и поблагодарил за участие в его организации, добавив, что ничего особенного им не надо, потому что он и Кекконен физически подготовленные люди и переход для них – пустяк. Однако, несмотря на эти утверждения Косыгина, все было сделано, как я предложил. И президент Финляндии успешно ознаменовал свое семидесятилетие переходом через Кавказский хребет, в память о котором у меня остались специально изготовленные для этого случая запонки, подаренные мне У. Кекконеном. Сам он прекрасно перенес переход, а спасателям пришлось нести через горы не его, а молодого и довольно массивного адъютанта.

В тот же день, когда я объяснял ситуацию А. Н. Косыгину, позвонил Ю. В. Андропов и попросил меня подъехать. К этому времени у нас уже сложились дружеские отношения. Приехав, я застал его несколько встревоженным. С ходу он стал мне выговаривать: «Не надо было вам вмешиваться в эти косыгинские дела. Сам он кашу заваривал, сам бы и расхлебывал. И не надо вам ехать на этот дурацкий переход, пусть сами идут. Кое-кто не очень доволен вашей активностью в этом вопросе». Я возразил: «Юрий Владимирович, Косыгин очень тонко переложил ответственность на меня, да и в какой-то степени на вас. В создавшейся ситуации мой долг сделать все возможное, чтобы переход обошелся без неприятностей». «Вы правы, – ответил Юрий Владимирович. – Алексей Николаевич все правильно рассчитал. Теперь и вам и нам надо обеспечить полную безопасность». И хотя Андропов прямо не сказал, но я понял, что кто-то из окружения Брежнева, а может быть, и он сам, хотели, чтобы возникли сложности в ходе визита, в которых можно было бы обвинить А. Н. Косыгина. То, что Брежнев был в курсе всех событий, я понял потому, что накануне визита Кекконена в Минеральные Воды он позвонил и сообщил, что хотел бы на несколько дней лечь в больницу на диспансеризацию, хотя это и не планировалось. Я вынужден был остаться в Москве. Волнений не было, ибо все, что необходимо, было сделано, и «успех» кавказского перехода был обеспечен.

Как и предполагалось, У. Кекконен был в восторге от похода в горы.

Много разговоров было в тот период и вокруг лечения К. Е. Ворошилова. В те годы я был плохой политик и поэтому до сих пор не могу понять ни отношения к нему различных политических фигур, государственных деятелей, ни отношения к нему аппаратных работников ЦК КПСС, игравших большую роль в создании партийного, а значит, и общественного мнения. Проще было оценить не контролируемое общественное мнение, а мнение народа, который в тот период жил легендой о нем как о герое Гражданской войны.

Мое сугубо личное отношение к К. Е. Ворошилову базировалось на тех впечатлениях, которые я вынес из встреч с ним во время моей работы в 1957 году в Кремлевской больнице.

В это время от рака умерла его жена. Почти через день можно было видеть в больнице Ворошилова, идущего к больной жене с букетом цветов. Работавшие со сталинских времен врачи, знающие, как известно, больше, чем кто-либо, рассказывали, что во времена Сталина, когда арестовывали жен-евреек руководителей партии и государства и когда Молотов и Калинин безропотно отдали своих жен на закание Берии, Ворошилов с пистолетом в руках встал на пути его посланников и не позволил забрать на Лубянку свою жену. Возможно, что это была только легенда, но все равно Ворошилов вырастал в наших глазах.

Когда я с ним встретился, это уже был дряхлый, но пытавшийся себя сохранить одинокий старик, у которого страдала память и который иногда терял даже ориентацию. Странно было видеть эту одинокую, оторванную от общества фигуру в огромной, сталинского типа даче, своеобразие которой заключалось в больших комнатах, определенном аскетизме обстановки и преобладании в интерьере натурального дерева. У него была одна удивительная особенность, которая больше, чем что-либо, говорила о том, что ему, видимо, пришлось пережить в период сталинизма. Когда вечером он уходил в спальню, то запирали изнутри все запоры: на окнах, на дверях, а под подушкой держал оружие. От кого он по старой памяти пытался защититься: то ли от участников заговора, которые должны были, по одной из версий, убить его вместе со Сталиным, или, наоборот, от клеветников Берии, у которого с ним были, по его словам, очень натянутые отношения?

Ворошилову как-то удалось в разгар сезона с большим трудом получить для отдыха дачу в Крыму. Узнав, что мы приехали в Ялту, он пригласил к себе на дачу меня и моих коллег. Было грустно видеть, как человек, бывший одним из самых близких Сталину людей, с гордостью показывал свою временную трехкомнатную дачу, добавляя при этом, что он видит в этом проявление любви и уважения народа к нему, как герою Гражданской войны, человеку, сделавшему много для государства рабочих и крестьян.

В тот момент я вспомнил маршала Рокоссовского, которого лечил по поводу рака в 1957 году. Тогда он находился в опале, и ему с большим трудом удалось получить в Министерстве обороны дачу для отдыха в Крыму. Онкологи категорически возражали против направления его в Крым. Рокоссовский зашел ко мне в ординаторскую (это было в больнице на улице Грановского) и сказал: «Евгений Иванович, в Москве у меня не очень хорошие условия, а там отдельный дом, «обслуга». Хотелось бы хоть напоследок отдохнуть хорошо. Я знаю, что в любой момент могу умереть, но скрасьте мне последний год». Слова прославленного маршала, одного из тех, кто спас народы нашей страны от порабощения, резанули меня по сердцу. Я каюсь, что подделал тогда показания по направлению Рокоссовского в Крым, и он все-таки попал на отдых. Вернувшись из Крыма, он позвонил мне и сказал: «Доктор, разные люди есть; большинство из них бюрократы, а вы настоящий человек».

В течение жизни мне вручили немало наград, орденов, званий, но этот звонок прославленного маршала был лучшей наградой из всех, которые я получал.

Где-то также мне было жалко и К. Е. Ворошилова, пытавшегося сохранять свое реноме видного политического деятеля, народного героя, но понимавшего в минуты просветления, что он уже никому не нужен. Тогда, в Крыму, мы выпили с ним бутылку шампанского, ибо только этот напиток он признавал. После бокала шампанского исчезла его «маршальская» чопорность, он стал вспоминать свою молодость, шахтерскую Горловку, украинские песни, которые тут же предложил исполнить под своим руководством. Слуха у него не было. Но, подпевая его многочисленным украинским, в том числе и петлюровского характера, песням, я еще больше проникся жалостью к этому, в принципе, несчастному в старости человеку, у которого все осталось в прошлом.

Конечно, мне трудно судить о его прошлом, о его истинных и мнимых заслугах перед государством и народом, о его роли в репрессиях против невинных людей. Сейчас открываются

новые страницы истории, новые страницы борьбы за власть, в которой никто не придерживался каких-либо принципов.

В гуще этой борьбы оказался и Ворошилов, который поддержал взятый Сталиным курс террора как один из важных рычагов борьбы за власть. У меня не выходит из головы лишь один вопрос: почему, разгромив окружение Сталина – Молотова, Маленкова, Кагановича, – Н. С. Хрущев, честный Н. С. Хрущев, не только не сместил со всех постов К. Е. Ворошилова, а, наоборот, поддержал его? Маршал Жуков, которого я длительное время наблюдал и который хорошо знал Ворошилова, как-то, когда зашла речь о нем, коротко сказал: «Смелый был человек, но как военный руководитель – недалекий. А со Сталиным у него были сложные отношения».

Удивительно, но за два года, в которые мне пришлось встречаться с Ворошиловым, он ни разу не вспомнил ни Сталина, ни его окружение, ни своих взаимоотношений с ним.

Он был тяжело болен. Помимо атеросклероза мозговых сосудов, что отражалось на памяти, у него были выраженные изменения в легких, приведшие к недостаточности сердечной деятельности. Он часто болел воспалением легких, и мне нередко приходилось бывать у него на даче. Со сталинских времен он привык вставать поздно, и каждый раз охрана, ожидавшая его выхода, гадала – жив Ворошилов или нет, взламывать двери или подождать еще. Стучать было бесполезно, ибо он очень плохо слышал.

Вспоминаю, как однажды, когда истекли все сроки появления Ворошилова, охрана начала взламывать дверь, и вдруг, к удивлению всех, она открылась и вышел невозмутимый Ворошилов, удивившись: «А что здесь делает так много народу?»

Умер он от сердечной недостаточности после очередного воспаления легких. Когда мы в последний раз увозили его в тяжелом состоянии с дачи в Кунцевскую больницу, я предложил, чтобы транспортировка осуществлялась машиной скорой помощи, на носилках. Ворошилов категорически отказался, заявив, что маршалов на «дурацких» носилках еще не таскали. Вызвал из Верховного Совета «Чайку», сел на откидное кресло, на котором обычно ездил «для сохранения осанки», и только так поехал в больницу.

У многих аппаратных работников, да и членов политбюро, вызывало раздражение мое участие в лечении Ворошилова, мои визиты к нему на дачу и в стационар. Но я считал и считаю сейчас, что врач должен оставаться врачом, независимо от того, какое положение в данном случае занимает его пациент и каково отношение к нему столь изменчивого общественного мнения. А ситуации, подобные ситуации с Ворошиловым, возникали не раз: будь то лечение Н. С. Хрущева, которого наблюдали близкие мне академик П. Е. Лукомский и профессор В. Г. Беззубик, с которыми я познакомился и подружился еще в период моей работы в Кремлевской больнице в 1957 году; лечение Г. К. Жукова после его отставки и других пациентов, находившихся, мягко говоря, не в ладах с официальной линией или с определенными деятелями партии и руководства страны.

Весьма своеобразная ситуация сложилась для меня при лечении Хрущева. Он категорически отвергал всех, кто хоть в какой-то степени был связан с его бывшим сподвижником и другом Брежневым и новым руководством страны. Единственное исключение он делал для профессора П. Е. Лукомского, которого он давно знал. Но признавал только лечащего врача В. Г. Беззубика и лишь ему доверял. Это был опытный, знающий, честный врач, и я был совершенно спокоен и уверен в правильности тактики лечения Н. С. Хрущева. Что бы там ни было, а Хрущев был пациентом, и мы за него отвечали. Естественно, что он категорически возражал против моего участия в лечении, заявляя, что не хочет, чтобы «вся эта свора (политбюро. – Е. Ч.) знала о его состоянии и обсуждала, долго он еще протянет или нет», подкрепляя, конечно, это заявление теми крепкими выражениями, которые он умел преподносить окружающим. Мы договорились, что посещать его будут только П. Лукомский и В. Беззубик, а если возникнут неясные вопросы, то мы будем обсуждать их заочно.

Встретился же я с Н. С. Хрущевым в необычной обстановке. Он находился в больнице на улице Грановского в связи с инфарктом миокарда. Как-то поздно вечером я был в отделении, и мне потребовалась медицинская сестра. Заглянув в комнату медперсонала, я увидел странную картину: дежурные сестры и санитарки сидели вокруг старичка-больного, закутанного в больничный халат, который им что-то громко доказывал и с пристрастием расспрашивал: «Ну что, вам при Брежнев лучше живется?» Он сидел ко мне спиной, и в первый момент я даже не узнал бывшего первого секретаря ЦК КПСС. При моем появлении сестры вскочили и смущенно стали оправдываться: «Евгений Иванович, в отделении все спокойно, вот мы и хотели с Никитой Сергеевичем чайку попить».

Повернувшись, Хрущев оглядел меня с ног до головы и, по-стариковски замешкавшись, поднялся, чтобы уйти. «Да вы оставайтесь, Никита Сергеевич. Я зашел только напомнить об утренних анализах больного Н.», – сказал я, сожалея, что прервал разговор, в котором Хрущев хотел «выговориться». Наверное, его состояние понятно больным, находившимся длительное время на лечении в отдельной палате. «Вот вы какой, – ответил Хрущев. – Не думал, что на место Маркова (начальник 4-го управления во время его руководства. – *Е. Ч.*) поставят такого молодого врача. Вот девочки (этим девочкам было уже давно за сорок. – *Е. Ч.*) о вас очень хорошо отзываются, да и Владимир Григорьевич (Беззубик. – *Е. Ч.*) много хорошего о вас говорил. Может, так и есть. Да только испортят вас брежневы и другие царедворцы. Не верю я никому».

Что мне было ответить этому прошедшему большую и сложную жизнь политику, удержавшемуся, почти не участвуя в репрессиях, при Сталине, захватившему, но не удержавшему власть, не менее, чем Брежнев и другие, виноватому в кризисе, поразившем страну, старому человеку, которого предали его же «соратники», «ученики» и «друзья».

И хотя после этой встречи сохранялись прежние принципы наших официальных отношений, в определенной степени лед недоверия был разбит.

Станным для меня было и отношение Брежнева к Хрущеву. Он много рассказывал об ошибках последнего, политической и хозяйственной безграмотности, усугублявшейся амбициозностью. О непоправимом ущербе, который тот нанес сельскому хозяйству. Любил вспоминать некоторые истории. «Помните выступление Хрущева, в котором тот начал угрожать ракетным оружием? Так вот, в тот период у нас была всего одна или две ракеты, точность попадания которых была где-то около 50 процентов. Я отвечал за этот раздел и прекрасно помню тот период, – говорил он нам. – А знаете, как мы с Дмитрием Федоровичем (Устиновым. – *Е. Ч.*) первые награды за космическую технику получили? – продолжал он. – Дмитрий Федорович говорит: "Ты в этот наградной список внеси кое-кого – и Хрущев поддержит, даже несмотря на возражение некоторых товарищей"». Так и получилось. Кто этот или эти «кое-кто», он не говорил, но в словах его сквозила обида, что он должен был ловчить, чтобы получить заслуженную, по его мнению, награду. Он делал вид, что его не интересует здоровье Хрущева, и когда я как-то начал говорить о его состоянии, он прервал меня и сказал: «Знаешь, Евгений, это твои проблемы, но ты должен делать все, что необходимо, чтобы не сказали, что мы его лишили хорошей медицинской помощи». Узнав о тяжелом состоянии Хрущева, он позвонил мне и попросил держать его в курсе событий.

В памяти осталось 11 сентября 1971 года. За два дня до этого у меня умерла мать, и на этот день были назначены похороны. В этот день умер Хрущев, и мне даже не пришлось присутствовать, по русскому обычаю, на поминках матери. Это был выходной день. Я позвонил Брежневу на дачу, сообщил о смерти Хрущева и спросил, будет ли официальная информация и как будут организованы похороны. Он ответил: «Подожди, никому, кроме родственников, ничего не сообщай». Я жду час, второй, наконец раздается звонок: «Моешь сообщить о смерти Хрущева в обычном порядке. Ну а там делай все, что делаете вы в таких случаях».

Я понял, что в течение этих двух часов шло обсуждение, как объявить стране о смерти Н. С. Хрущева и где его хоронить.

Умер не просто персональный пенсионер, а бывший руководитель партии и государства, и вот он единственный из них похоронен на Новодевичьем кладбище, а не у Кремлевской стены.

В конце концов, проверив и перепроверив меня и по бюрократическим каналам, и по конкретным делам, Л. И. Брежнев, да и другие руководители партии и государства, смирились с тем, что я сохранил свое независимое профессиональное лицо и старался честно выполнять свой долг и говорить правду. Вероятно, это был один из факторов, позволивших мне оставаться на своем посту два десятилетия. Сыграло роль и то, что на одном из первых заседаний политбюро Л. И. Брежнев четко заявил, что начальник 4-го управления находится в его подчинении и подотчетен только ему, а для решения возникающих оперативных ситуаций управление должно контактировать с Ю. В. Андроповым. Такое заявление не только утвердило мое положение, но и позволило держаться с определенной степенью независимости.

За кулисами

Сегодня, после уничтожения системы 4-го управления, можно раскрыть еще один малоизвестный в нашей стране, но хорошо освещенный за рубежом аспект его деятельности.

Речь идет об отдыхе и лечении в Советском Союзе руководителей иностранных государств, правительств, в первую очередь лидеров коммунистических партий, друзей нашей страны. Андропов как-то совершенно справедливо сказал однажды Брежневу, что друзей можно приобретать, не только поставляя им оружие и продовольствие, но и заботясь об их здоровье, их работоспособности. Брежнев оценил эту идею, подхватил ее и предложил направлять приглашения руководителям государств и партий для отдыха и лечения в нашей стране.

Первыми откликнулись руководители коммунистических партий и правительств социалистических стран, которые стали ежегодно посещать нашу страну для отдыха и диспансеризации, причем эти на первый взгляд сугубо медицинские поездки постепенно превратились в политические встречи. Приезжало много гостей из развивающихся стран, стран так называемого третьего мира. В иные годы их число достигало нескольких тысяч. Это было большим испытанием для 4-го управления, учитывая, что приезжали многие руководители, обращавшиеся до этого в лучшие медицинские учреждения Запада. И надо сказать, что это испытание учреждения управления – как больницы, так и санатории – выдержали с честью.

Были, конечно, и казусы, как, например, с главой Центрально-Африканской Республики Бокассой. Не знаю, каким образом сотрудники МИДа вышли на него в активных поисках друзей в Африке, но факт остается фактом, что в августе 1973 года, узнав, что он болен каким-то гастроэнтерологическим заболеванием, его пригласили на лечение в нашу страну. Не помню, в каком амплуа он приезжал: то ли как руководитель революционной партии, то ли как император. Но работники МИДа просили обеспечить прием и лечение на самом высоком уровне. Когда впоследствии я читал, что это был один из самых жестоких людей в Африке, каннибал и убийца, я не мог в это поверить, вспоминая нашу встречу в инфекционном корпусе Кунцевской больницы. Это был невзрачный человек, который постоянно улыбался и извинялся. Осмотрев его вместе с нашим известным гастроэнтерологом, профессором В. Г. Смагиным, мы установили, что ничего угрожающего у пациента нет и речь идет о банальном холецистите и колите. Рекомендовав обычное в таких случаях лечение и диету, мы разъехались по домам, так как это был воскресный день. Не успел я приехать домой, как раздался звонок из больницы, и дежурный врач просил меня срочно вернуться. Я уже привык к таким вызовам и буквально через 30 минут был на месте. Оказалось, что вызывали меня не к больному, а для того, чтобы навести порядок в кухне этого корпуса. С Бокассой приехали его слуга и повар и привезли обычные для него продукты питания. К моему удивлению, это были какие-то мелкие змейки, животные типа ящериц, грязное мясо непонятного происхождения. Я поднялся к Бокассе и сказал ему, что здесь, в больнице, мы будем лечить его нашими методами, диета является таким же лекарством, как и таблетки, которые он принимает. Получив его согласие, я попросил выбросить все, что было привезено, на помойку. Бокассе так понравилась наша пища и лечение, что, покидая в хорошем состоянии через десять дней больницу, он поставил вопрос перед работниками МИДа о выезде с ним нашего врача и нашего повара. Работники МИДа настоятельно требовали как можно быстрее решить этот вопрос. Вызвался поехать с Бокассой доктор Ф. К. Яровой. Поездка врача и повара была недолгой – то ли Бокасса не получил от нашей страны того, чего добивался, то ли ему надоело постоянное вмешательство в его жизнь врача, призванного следить за состоянием его здоровья. Через три месяца по убедительной просьбе нашего посольства доктор был возвращен в Москву. Бокасса долго решал, под каким «соусом» порвать контракт. Но не нашел ничего лучшего, как обвинить врача в попытке принудить одного из полицейских охранников к сожительству. Надо было видеть пожилого, интеллигентного, суб-

тильного доктора и громадного роста полицейского, чтобы представить всю бредовость заявления Бокасы о том, что советский врач пытался силой совратить полицейского.

Однако эта история была исключением в большой международной деятельности наших врачей, тем более что работать нам приходилось в сложных условиях не только медицинского, но и политического характера.

В 1971 году меня и П. Е. Лукомского срочно пригласили в Берлин для консультации В. Ульбрихта. До этого мы несколько раз консультировали его во время отдыха в санатории «Барвиха». В свои семьдесят восемь лет Ульбрихт прекрасно выглядел, активно занимался физкультурой, любил ходить на лыжах, правда, многое в его физической активности носило показной характер. Единственно, что его беспокоило, – это повышение артериального давления и иногда появляющиеся головокружение и слабость, связанные, несомненно, с развивающимся атеросклерозом сосудов мозга. В Берлине нас встретили растерянные лечащие врачи Ульбрихта и наш посол П. А. Абрасимов, заявившие, что Ульбрихт категорически отказался от помощи специалистов правительственной больницы и обратился к медикам, которые не были знакомы партийному аппарату СЕПГ и которых нежелательно было знакомить с состоянием его здоровья. Однако оказалось, что суть конфликта заключалась не в медицинских проблемах лечения Ульбрихта, а в ситуации, которая создалась в связи с обострением его отношений с Э. Хонеккером. Предстоял съезд партии, на котором В. Ульбрихт, которому исполнилось уже семьдесят восемь лет, должен был уступить свое место Э. Хонеккеру. В. Ульбрихт, как это бывает при склерозе мозговых сосудов, не мог критично оценить свое состояние, считал себя вполне работоспособным и с обидой воспринял предложение, переданное к тому же, по его словам, в некорректной форме, стать почетным председателем партии. Ульбрихт в то время считал себя единственным теоретиком-марксистом, оставшимся в живых. Иначе как «Лениным современности» и главным идеологом коммунизма в современном мире он себя не представлял. Когда у него произошел гипертонический криз, он наотрез отказался ехать в правительственную больницу и был помещен, по его настоянию, в обычное больничное учреждение. Хонеккер же боялся, с одной стороны, как бы действительно не произошло тяжелых осложнений в состоянии здоровья В. Ульбрихта, а с другой – широкой огласки конфликта. И то и другое могло оказать неблагоприятное влияние на ход съезда, а может быть, и на его избрание. Учитывая, что В. Ульбрихт не пускал к себе врачей из правительственной больницы ГДР, предполагалось, что консультантов из Москвы, которые смотрели его в «Барвихе», он примет. С одной стороны, те после консультации смогут ответить на все вопросы Э. Хонеккера, а с другой – постараются убедить Ульбрихта в необходимости лечения в правительственной больнице. Действительно, В. Ульбрихт принял нас с Лукомским весьма любезно, хотя на протяжении всей встречи градом сыпались нелестные слова и в адрес врачей правительственной больницы, и в адрес Хонеккера. Состояние его было удовлетворительным, и на консилиуме с участием врачей, которые лечили его в тот момент, было решено, что через несколько дней он сможет вернуться домой.

На обеде в нашем посольстве мы успокоили П. А. Абрасимова и Э. Хонеккера, что ничего страшного в состоянии здоровья В. Ульбрихта нет, что он уже стал адекватным, успокоился и через несколько дней, вероятно, вернется домой. В общем так и оказалось. Съезд прошел в спокойной обстановке, и в 1971 году Э. Хонеккер был избран первым секретарем СЕПГ.

Нередко мне трудно было оценить в те годы масштабы и значимость нашей интернациональной, если так можно выразиться, деятельности. И только гораздо позднее, и чаще даже из других источников, я узнавал, что принесло той или иной стране, политической ситуации в мире решение наших сугубо медицинских проблем. Несомненно, что наш долг врачей – лечить, обеспечивать здоровье и жизнь человека. Остальное – дело политических и государственных деятелей, общества, наконец, самого народа. Но я убедился, что врачебная деятель-

ность косвенно может активно влиять на ход тех или иных политических и исторических процессов.

Первый в моей практике подобный случай связан с лечением президента Египта Абделя Насера. Сегодня это не представляет никакого секрета, а тогда за нашими данными охотились разведки ряда стран мира. В первые дни июля 1968 года мне позвонил Брежнев. Хотя он и не говорил открыто, но из разговора я понял, что один из наших близких зарубежных друзей тяжело болен и его лечащие врачи хотят с нами встретиться, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию и возможные пути решения вопроса. Не знаю, на каких данных основывался Брежнев, но он намекал, что речь идет о каком-то опухолевом процессе, видимо, урологического характера. В заключение твердо добавил: «Привлеките к обсуждению только тех специалистов, которым полностью доверяешь, и чтобы никакая информация не могла просочиться на сторону. Никого, даже в советском руководстве, не информируй о результатах консилиума».

На следующий день в моем маленьком кабинете на улице Грановского собрались несколько египетских специалистов, приехавших с Насером, и наши ведущие специалисты, среди них ведущий хирург В. С. Маят и уролог А. Я. Абрамян. Египетские врачи рассказали, что в последний год Насер стал жаловаться на боли в ногах, которые вначале появлялись при длительной ходьбе, а затем и при небольших прогулках, сейчас же беспокоят даже в неподвижном состоянии. Причем, если вначале боли были только в стопах, то в настоящее время они появляются и в бедрах. Он стал замечать «онемение» стоп, на пальцах появились признаки начинающейся гангрены, а на коже ног – трофические изменения. У президента был нарушен обмен жиров и сахара, много лет он курил крепкие сигареты типа «Кэмел». Признаков коронарной недостаточности, по словам врачей, не было.

На основании того, что нам рассказали египетские коллеги и что мы смогли почерпнуть из привезенных материалов, у нас сложилось твердое мнение, что в данном случае никакой опухоли нет, а речь идет о типичном атеросклерозе сосудов ног с начинающимся нарушением кровообращения в них. Однако окончательное заключение мы могли дать только после осмотра и обследования президента. Наше предложение о встрече с Насером на первых порах не вызвало энтузиазма у египетских врачей. Они не давали согласия на такое обследование, так как им необходимо было обсудить этот вопрос с пациентом. Египетская сторона панически боялась утечки любой информации о болезни Насера. Да это и понятно. Обстановка на Ближнем Востоке, несмотря на перемирие, была крайне напряженной. Состояние можно было обозначить как «ни мир, ни война». Насер стал к этому времени признанным лидером арабов, символом их борьбы за независимость, за радикальные перемены. Любовь народа к нему была безгранична. Сообщение или известие о болезни Насера могло бы во многом повредить объединению усилий арабов в борьбе с Израилем.

Насер поверил в нашу порядочность, да к тому же египетская сторона понимала, что Советский Союз, так же как и они, заинтересован в конфиденциальности консилиума советских врачей. Как бы там ни было, но 6 июля рано утром состоялась наша первая встреча с Насером. Президент Египта выглядел усталым, больным и встревоженным. Его, помимо врачей, сопровождал Анвар Садат. После первых пятнадцати минут встречи на консилиуме сложилась так важная для нас, врачей, обстановка непринужденности. Насер держался просто, доверительно, но без панибратства, которое некоторые великие мира сего почему-то считают проявлением демократизма. Это был вежливый, эрудированный, интеллигентный человек. Когда на наш вопрос о жалобах он с какой-то безнадежностью сказал, что все пять часов полета до Москвы его мучили сильнейшие боли в ногах и бедрах и он вынужден был все время лежать, хотя предполагал провести совещание, мы поняли, как он устал от болезни, а главное, от того, что ее проявления необходимо было скрывать даже от врачей. Он не мог ходить, а ему надо было бывать в воинских подразделениях; у него были сильнейшие боли, а он был вынужден их терпеть, чтобы не заподозрили, что президент болен. Он переживал, что не мог в самолете

обсудить все проблемы с Ясиром Арафатом, который под видом технического сотрудника по имени Амин впервые летел в Москву на встречу с советскими руководителями.

Мне много раз в дальнейшем приходилось встречаться с Насером, но именно тогда, во время первого консилиума, я проникся к нему уважением как к мужественному и сильному человеку. Да и не совершают революции слабые люди. Пустяк, но показательный. Когда мы начали его лечение, я сказал, что первое наше требование, чтобы он бросил курить. Он тут же вызвал адъютанта, отдал ему лежащую на столе пачку сигарет «Кэмел», зажигалку и сказал: «Больше их около меня не должно быть, и запомните – с сегодняшнего дня я не курю. – И, обращаясь ко мне, с улыбкой добавил: – Если бы это касалось только меня, еще можно было бы поспорить, но это касается Египта». И он твердо держал слово.

Осмотр и обследование подтвердили наш диагноз – атеросклероз сосудов ног. Поскольку в те годы операции на сосудах по поводу атеросклероза только начинали делать, мы обсудили возможность и целесообразность ее проведения. Однако поражены были в основном дистальные (конечные) отделы артерий ног, и операция здесь не могла дать эффекта. Оставались консервативные методы. Обсуждались различные варианты, и в конце концов было решено начать бальнеотерапию – использование цхалтубских радоновых вод, которые в ряде случаев давали при подобных заболеваниях хороший эффект.

Насер, в принципе, согласился с нашим предложением, заявив, что после возвращения в Египет обсудит с руководством страны и Национальным собранием вопрос об отдыхе (он подчеркнул, именно об отдыхе) и в ближайшее время вернется в Советский Союз для лечения в Цхалтубо.

Я сообщил Брежневу неутешительные результаты консилиума. В ответ он сказал: «Надо сделать все для восстановления здоровья Насера, ибо нет на Ближнем Востоке другой фигуры, которая могла бы объединить арабов в противостоянии США и Израилю. Если он сойдет с политической арены, то это будет большой удар по нашим интересам и по интересам арабов. Сделай все, что необходимо для его лечения. Официально его будет принимать на отдых Президиум Верховного Совета. Я скажу Подгорному, чтобы обеспечили все, что необходимо».

Действительно, вскоре позвонил Н. В. Подгорный и в присущей ему грубой манере сказал: «Звонил Брежнев, попросил, что надо тебе помочь с Насером. Я дал указание, свяжись с моими ребятами, они займутся всем этим». На этом наш весьма «продуктивный» разговор о лечении Насера закончился. Как помогали мне ребята, я почувствовал, когда поехал в Цхалтубо, чтобы посмотреть на месте возможности размещения президента Египта. В Президиуме Верховного Совета, как часто бывало, все спускалось по бюрократической лестнице, и когда я в конце концов встретился с человеком, который должен был организовать прием, то им оказался заведующий то ли фотолабораторией, то ли фотокиноотделом Верховного Совета, если мне не изменяет память, по фамилии Данилов. Вся его помощь заключалась в том, что он с большими придирками подписывал счета за пребывание Насера. В Цхалтубо не оказалось ни одного помещения, достойного президента крупной и дружественной нам иностранной державы. Все бывшие дачи были грязными, запущенными, а в санаториях имелись только стандартные палаты по 12–14 квадратных метров, да и то без удобств. Положение было крайне тяжелое. Надо отдать должное бывшему в то время первым секретарем ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе, по распоряжению которого был приспособлен более или менее небольшой корпус санатория Совета министров Грузии.

Однако, когда незадолго до прибытия Насера приехали представители его канцелярии и осмотрели предлагаемые для президента три маленькие, по 14 метров, комнаты, они при всей своей вежливости спросили только одно: «А нет ли другого помещения, хотя бы немного попросторнее?» И когда я, уставший от безразличия тех, кому поручалась организация приема, резко сказал: «Это лучшее, что здесь есть, и другого мы предоставить не можем», они также довольно резко ответили: «Но ведь вы принимаете главу иностранного государства». Я

был полностью согласен с ними, но ничего сделать не мог. Чувствовалась «либерализация», проводившаяся Хрущевым, и его стремление к уничтожению привилегий. Но, наверное, при этом хотя бы несколько дач для приемов надо было оставить.

Насер, в связи с решением трудных проблем защиты страны от непрекращающихся израильских рейдов, задержался почти на два месяца. Зная сложную ситуацию с размещением в Цхалтубо, он приехал в сопровождении очень небольшой группы секретарей и охраны. С ним был симпатичный, приятный и умный египетский посол в Москве М. Галев. Мне с ним было легко еще и потому, что он тоже был по профессии врач и хорошо понимал сложившуюся ситуацию. Несмотря на то что ответственные за охрану работники 9-го управления КГБ делали все, чтобы предупредить утечку информации о приезде Насера, весь город только и жил разговорами об этом визите. Помню, часа за четыре до приезда президента мы пошли на базар почистить ботинки (надо было все-таки достойно встречать главу иностранного государства). Чистильщик, пожилой веселый грузин, думая, что мы отдыхающие, расписывая прелести Цхалтубо, махнул мне рукой, чтобы я наклонил голову, и тихо сказал: «Ты, как мне кажется, хороший человек. По секрету тебе скажу, что, выйдя на угол площади в 12 часов, ты увидишь Насера». И он точно описал маршрут проезда президента, который вечером, накануне, в полном секрете прорабатывали работники «девятки». Бедная охрана!

У меня, как и у встречавших грузинских руководителей, были опасения, что Насер останется недоволен размещением, скромностью обстановки. Видимо, что-то в этом духе ему начали говорить заранее приехавшие египетские «квартирмейстеры». Однако он их тут же оборвал, и, как сказал нам выделенный с нашей стороны переводчик Э. Султанов, которого очень ценил Насер, суть ответа заключалась в том (если его суммировать), что, мол, «перестаньте разговаривать, здесь мне нравится, и потом, не забывайте, что мы гости, а я приехал сюда, чтобы вылечиться». Этот ответ снял напряженность, конечно, и с нас и с египтян, которые постарались передать нам суть этого разговора. Все недостатки компенсировал оставшийся со времен Сталина небольшой мраморный бассейн, в который поступала естественная радоновая вода.

Насеру очень понравилась бальнеотерапия, которую он переносил прекрасно. Держался он со всеми просто и очень доступно. Любил вместе с нами прогуливаться в прилегающем парке. К нашему удивлению, состояние его быстро улучшалось: исчезли боли, стала проходить связанная с этим бессонница. Постепенно начали исчезать трофические расстройства и признаки гангрены пальцев ног. Мы не ожидали таких блестящих результатов, тем более что я не очень верил в бальнеотерапию. Удивлен был и Насер тем, что мы так быстро смогли вывести его из, казалось бы, безнадежного состояния. Доктор И. Тюльпин, которого мы выделили ему еще в Москве, стал его доверенным лицом. Удивительна психология тяжело больного, которую я наблюдал за свою долгую врачебную жизнь. Врачи, да и другой медицинский персонал, становятся ему самыми близкими людьми, если им удастся помочь больному.

Сам Насер, да и его окружение, держались скромно, и требования их были минимальными. Грузинские товарищи, в силу характерного для них гостеприимства, делали все, чтобы египтяне были довольны. Помню обед на воздухе, который они устроили в первый день для всех сопровождающих президента лиц. Прекрасная погода, чудесное грузинское вино, которое лилось рекой, грузинские деликатесы и концерт «народных талантов», которые, как мне потом сказали, были известными артистами. Они настолько покорили египтян, что те, не скрывая своего восторга, рассказали об этом приеме Насеру.

Кроме лечебных ванн и прогулок, Насер никуда не выходил из отведенного ему небольшого отсека. Наконец курс терапии был закончен, и в хорошем, бодром настроении Насер собирался домой. Перед отъездом, давая рекомендации, мы долго сидели у него в комнате. Я понимал, что улучшение состояния связано с тем, что, как это и бывает при использовании радоновых ванн, произошло раскрытие и развитие так называемых коллатеральных сосу-

дов, обеспечивающих достаточное кровообращение в ногах. Но атеросклеротический процесс в то время остановить было невозможно, тем более у человека с признаками диабета. Это сегодня в нашем кардиологическом центре мы добиваемся стабилизации атеросклеротического процесса. Мы понимали, что атеросклероз будет развиваться, и трудно сказать, какие сосуды он в дальнейшем захватит, может быть, это будут сосуды сердца, а может быть, и мозга. Нужна диета, нужен режим, надо снять перегрузки, психоэмоциональный стресс. Выслушав нас, Насер, улыбнувшись, сказал: «Но ведь, выполняя все эти рекомендации, трудно оставаться президентом Египта. А я, честно говоря, хочу им еще быть. Не могу я просто бросить свой народ в тяжелой ситуации».

Мы договорились, что через три-четыре месяца, якобы для отдыха, мы посетим Египет и оценим отдаленные последствия лечения, состояние его здоровья и дадим новые рекомендации для дальнейшего лечения. Мы предложили, чтобы, наряду с египетскими коллегами, за состоянием его здоровья в Каире следил советский врач, например, тот же И. Тюльпин, который импонировал президенту и был достаточно настойчив при реализации наших рекомендаций. Насер сказал, что он бы с удовольствием принял предложение, но боится, что это могут понять как его недоверие к египетским врачам. А это не так. Он очень уважает своих лечащих врачей. «Народ меня не поймет», – заключил Насер. Мы вынуждены были согласиться с ним.

Расставание было очень теплым. Вернувшись в Каир, Насер направил Брежневу послание, в котором благодарил за все, что было сделано для него.

Когда через несколько месяцев мы посетили его в Каире, он чувствовал себя хорошо, много ходил, много работал и даже играл в теннис. Он был весь погружен в проблемы восстановления обороноспособности страны, укрепления арабского единства, борьбы с Израилем. Удовлетворенные его состоянием, мы вернулись в Москву.

Прошел почти год. Мы договорились, что Насер приедет на повторный курс лечения в Цхалтубо в сентябре – октябре 1969 года. Меня изредка по каналам МИДа через нашего посла С. Виноградова информировали о том, что с президентом все благополучно и он активно работает.

В начале сентября я поехал в Жигули – очень живописное место на средней Волге, где началось строительство одного из новых реабилитационных комплексов. Надо знать, что такое строить в нашей стране на необжитом месте, куда пришлось прокладывать 32 километра новой дороги, да и сам комплекс по архитектуре и медицинской технологии был новым словом в советской медицине и требовал большого внимания. После тяжелых пререканий с проектировщиками и строителями мы, по волжским обычаям, отдыхали на берегу реки, поедая вкуснейшую уху. Прекрасная природа, благодатная тишина теплого сентябрьского вечера создавали необычную для нас обстановку успокоенности. Эту иллюзию разрушил кто-то из местных руководителей, сказав, что только что позвонили из Москвы и передали, что завтра рано утром я должен быть на работе – мне будут звонить. Вот и весь разговор. Легко сказать – завтра утром быть на работе, когда ты от нее за тысячу километров, поезд уже ушел, а до самолета надо еще добираться километров двести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.